

Как только накалённая обстановка немного улеглась, все снова сели по своим местам. Однако сама атмосфера сильно отличалась от той, где ещё недавно они весело общались и шутили.

Цю Лань и Цю Син, держа в руках горячий чай, по-прежнему дрожали, не в силах успокоиться, а Цю Юэ не только дрожала, но вдобавок была охвачена оставшимся гневом, хоть и небольшим, разумеется, из-за последней фразы, брошенной Ло Юнем.

Что значит «самая ужасная плакса»? Да если бы не меч в руках этого подлеца и молодая и красивая девушка — Цю Юэ — не боялась бы умереть в столь прекрасном возрасте, то, вероятно, она уже давно бы набросилась, как госпожа Вэй, и отвесила несколько оплеух этому наглецу.

Князю, в свою очередь, хотелось скорчить недоумённое лицо, и, наклонив голову, Его Светлость посмотрел сначала на Ло Юня, а затем на Цю Юэ. Оставшиеся Сяо Лю и Жун Ху, видя такое состояние всех собравшихся, не могли как раньше болтать с воодушевлением.

Осушив чашечку чая, Сяо Лю посмотрел на небо за окном и тотчас же поднялся:

— Мне пора.

Князь Мин вместе со всей свитой пришёл в себя.

— Так скоро?

— Нужно, пока нахожусь у пристани Фэнчэн, поскорей выполнить кое-какой приказ государя. Я нахожусь здесь, заранее уведомив Его Высочество наследного принца Юньинь, поэтому лучше всё же поскорее вернуться, — с этими словами юноша обратился к Фэн Мину, спокойно откланявшись. На что князь, поддерживая его, помог выпрямиться, однако Сяо Лю шёпотом добавил: — Князю Мину не нужно провожать, небо уже совсем просветлело, хоть джонка у берега реки, а всё равно сложно избежать людских глаз. Будет более приемлемо, если я один сойду на берег.

Его Светлость в душе расхвалил слугу: «Он действительно кропотливо относится к своей службе, совсем как Жун Тянь. Ах, интересно, когда смогу вновь встретиться с Жун Тянем?»

Никто из слуг не стал провожать Сяо Лю, лишь приказали Жун Ху от лица князя сопроводить его до палубы, а там юноша тихо сошёл на берег.

Когда гости в итоге разошлось, князь всем телом потянулся, кроме того, дважды подавил зевету. Стоящая позади Цю Лань шепотом спросила:

— Может, князю Мину пойти отдохнуть? Небо совсем просветлело, Сяо Лю уехал, а Жун Ху приказал поднять якорь. Немного поспите, а проснувшись, перекусите что-нибудь, хорошо?

На что князь лениво прищурился, глядя на девушек, и, кивнув, внезапно оказался взят в окружение несколькими служанками, которые немедля втолкнули его в опочивальню, где, позаботившись, уложили спать. Когда всё было сделано, Ло Юнь, как и прежде, с мечом в руках занял свой пост — у изголовья княжеской кровати.

Изначально Фэн Мин немного подремал, потому почти не вымотался, можно сказать, слегка прикрыл глаза, и вскоре усталость как рукой сняло. Проснувшись, он вновь увидел Ло Юня, который располагался рядом, и поскольку всё было тихо, Его Светлость принялся рассматривать юношу. Энергии в Ло Юне было больше, чем в нём, с вечера юноша не отходил от постели князя, охраняя его всю ночь, а в данную минуту прислоняясь к изголовью; юноша почувствовал лёгкий шорох со стороны Фэн Мина и, неожиданно проснувшись, как раз встретился со взглядом Его Светлости, отчего нетерпеливо спросил:

— Что смотрите?

Трудно себе представить, что у такого человека, который почти был одного возраста с Фэн Мином, в глазах мог таиться холод.

Под его пристальным взглядом князь подсознательно отпрянул и съёжился, и вскоре, словно желающий спровоцировать тигра зайчик, Фэн Мин бесстрашно открыл глаза и продолжил окидывать взглядом юного телохранителя. Принадлежит ли он роду Сяо, какую он в итоге прошёл подготовку и много ли его «дрессировали»? Князь отличался от Ло Юня необычайной любопытностью.

— Ты не утомился?

Молчание.

— Ло Юнь?

Но ответом снова была тишина.

— Ло Юнь, эй, — настойчиво[1] бубнил князь, вынуждая прикрывшего глаза юношу открыть их.

— В конце концов, что прикажет молодой господин?

— Ничего...

Юный телохранитель дерзко уставился на князя, и стоило ему закрыть глаза, как опять услышал голос Фэн Мина:

— Эй, давай поболтаем немного, мне скучно.

— Я здесь, чтобы Вас охранять, а не развлекать. — Нарочно показывая Фэн Мину, что его терпение на исходе, Ло Юнь, сжимая меч, выпрямился и повернулся спиной к слишком говорливому молодому господину, равнодушно держа его на расстоянии.

Спустя какое-то время Фэн Мин в очередной раз прервал молчание:

— Зачем ты сегодня обидел Цю Юэ?

— Кто её обидел? — скорость, с которой отозвался Ло Юнь, превзошла все ожидания.

— Ты-ы.

— Я не делал этого.

— Разве приставить к горлу девушки свой меч не считается обидой?

Но его ответом было молчание.

— Ло Юнь?

Снова тишина.

— Ло Юнь, эй, Ло Юнь... — «Если продолжить так ему докучать, не приставит ли он меч к моему горлу?» — Ло...

Застывшее тело внезапно задвигалось, вынуждая князя пугливо замолчать.

«Жестокий, неужели разозлился от смущения?»

В комнате больше никто не проронил ни слова, а так хотелось хоть немного наладить отношения и пообщаться.

Князь держал ухо востро в компании Ло Юня до тех пор, пока последний не поднялся с места и, крепко сжимая меч, безоглядно вышел из комнаты, только тогда Фэн Мин вздохнул с облегчением. Очень страшно. Этот человек постиг такую мощь, коей обладал отец Его Светлости, Сяо Цзун. Увы, сам же молодой господин рода Сяо мог постичь лишь головную боль и огорчения.

Когда на борту большой джонки Фэн Мина поднялась суматоха, небольшая лодка, похожая на листок, спустилась по течению реки Оман и пришвартовалась в тихом захолустье, которое располагалось менее чем в десяти ли от Фэньчэна.

Как только Ду Фэн сошёл на берег, к нему из зарослей, росших по обе стороны, вышли несколько мужчин, переодетых в простолюдинов Юньинь. Отвесив лёгкий поклон, они обратились ко вновь прибывшему:

— Ваше Высочество справился с заданием очень быстро, прошу проследовать за нами, принцесса уже ожидает. — И, развернувшись, повели Ду Фэна в глубь густых зарослей.

Здесь было очень безлюдно, эта тихая гавань много лет служила стоянкой народу Юньинь, более того, чем дальше они продвигались в заросли, тем выше поднималась трава, которая устилала всё вокруг и способна была скрыть от людских глаз любого человека.

Пробираясь сквозь бурьян, Ду Фэн по-прежнему сохранял беззаботный вид, и в итоге спустя минуту перед глазами в этих густых зарослях появился, словно свалившись с неба, маленький шатёр, который обтянули со всех сторон тонкой бычьей шкурой, сшитой между собой; углы, что тянулись вдоль каждого шва, были тщательно покрыты слоем золота и платины, на которых красовались всякие узоры. Казалось, каждый орнамент выгравировали с тщательностью и роскошью, такое украшение совершенно нельзя было использовать в обычном жилище.

Шатру, которого здесь быть не должно, Ду Фэн совершенно не удивился. Проводники, подойдя к занавеске, висевшей на входе, кажется, не осмелились идти дальше и, повернувшись к Ду Фэну, вновь склонились, почтительно говоря:

— Подчинённые не смеют входить, дальше Его Высочество пойдёт один.

Кивнув, мужчина двинулся с места и, подняв занавеску, заглянул внутрь: первое, за что зацепился взгляд, — одинокий спокойно стоящий хрупкий силуэт.

— Принцесса.

— Ты вернулся.

Стоящая к нему спиной девушка, казалось, находится в глубокой задумчивости. Услышав голос Ду Фэна, она резко вздрогнула, но в следующий миг уже успокоилась, обернулась, и взгляд ясных глаз упал на мужчину, а сама хозяйка шепотом спросила:

— Всё уладил? — Этой хозяйкой шатра оказалась величественная горячо любимая младшая сестра Жо Яня, его верная слуга — принцесса Мяо Гуан.

Ду Фэн, обнажив свою самую тёплую улыбку, слегка кивнул. Посмотрев на его улыбающееся лицо, Мяо Гуан почувствовала озноб, который тотчас же охватил душу:

— Юй Лан[2], твоё мастерство причинять людям вред действительно впечатляет, остался ли на

свете тот, кому ты ещё не навредил?

Услышав похвалу из уст самой принцессы Ли, Юй Лан, совершенно не желая кичиться своими заслугами, слегка поклонился и равнодушно отозвался:

— Только ради Ли Юй Лан готов навредить кому угодно.

— Кому угодно? — Во взгляде Мяо Гуан появилась остринка, которая также внезапно исчезла, придавая принцессе чистый и невинный вид. Растягивая губы в улыбке, девушка добавила: — Услышь это старший брат-император, наверняка обрадуется.

После чего, не желая продолжать данный разговор, принцесса позволила слуге, что являлся важной персоной, которую на протяжении многих лет прятал старший брат-император, присесть, и, последовав его примеру, принцесса спросила:

— Ты действительно передал нефритовую флейту князю Мину?

— Конечно, — ответив, Юй Лан окинул взглядом помещение и, безразлично мельком посмотрев на юную принцессу, сразу же тихо отвёл глаза. Блёкло улыбнувшись, мужчина задал вопрос: — Принцесса переживает, что Ваш слуга плохо справился с поручением?

— Нет, я лишь подумала, насколько глуп князь Мин, его и впрямь легко обмануть, однако Жун Тянь решил отпустить его от себя, и, конечно же, у него при себе достаточно много лихих персонажей. Например, тот Жун Ху, он крайне осторожный человек, ты с лёгкостью одурачил князя Мина, но как смог обвести других вокруг пальца?

— Так вот из-за этого принцесса беспокоилась?! — внезапно понял Юй Лан и довольно спокойно рассказал про то, как прошла встреча с Его Светлостью, добавляя: — Изначально я всё думал, как сделать так, чтобы не вызвать у них подозрений и отдать князю Мину флейту, но внезапно Небеса решили мне помочь, и князь Мин неожиданно сам открыл рот, требуя у меня залог, было видно, что флейта ему понравилась. И действительно, когда я вытащил ее и отдал ему, князь был без ума от радости, — мужчина говорил просто и легко, в голосе чувствовалась умеренная мягкость, не знающий посторонний человек, вероятно, ошибочно предположил бы, что Юй Лан вспоминает о дружбе старинного приятеля, и кто бы мог подумать, что этот внимательный человек, оказывается, такой жестокий.

Говоря это, Юй Лан уголками глаз детально рассматривал выражение лица Её Высочества, однако, не успев досказать, мужчина шепотом добавил фразу:

— Когда я уходил, то специально показал князю Мину, как нужно играть на сяо, он недурно талантлив, хоть и новичок, флейта в его исполнении звучала вполне сносно.

Плечи Мяо Гуан едва заметно задрожали:

— Он, он уже сносно играет на нефритовой флейте?

— Верно. По-моему, когда радуются такому подарку, как нефритовая флейта, то наверняка не захотят расставаться с ней. Он обязательно будет носить её за поясом, не снимая, и часто оттачивать игру на ней; сделанная из тяжёлого нефрита флейта хоть и красивая, но очень хрупкая и ломкая, она легко крошится, превращаясь в растёртый порошок. Когда он будет часто играть на ней, то не заметит, как этот порошок проникнет в горло...

— Хватит, — внезапно равнодушно и приглушённо крикнула Мяо Гуан.

Юй Лан совершенно не удивился её прохладному тону и, прекратив описывать дальнейшее, спросил:

— Ваше Высочество разозлились?

После того, как она заставила слугу умолкнуть, Мяо Гуан поняла, что подобное поведение с её стороны не подобает принцессе, и вопреки этому девушка улыбнулась ещё ярче, чем до этого:

— С чего бы?! Я лишь радуюсь от имени старшего брата-императора, но подробно всё рассказать, по-моему, лучше при встрече с ним, я лишь младшая сестра и не должна его лишать удовольствия узнать обо всём первым.

— Вот оно что, в таком случае принцессе не стоит радоваться от имени государя раньше времени, — Юй Лан посмотрел на Мяо Гуан очень ласково. — От яда яшмового порошка может спасти только цветок Вэньлань.

— Тогда... где камень Аньшэнь?

— Он у Вашего слуги.

Мяо Гуан, вытянув пронизанную светом прелестную яшмовую ладонь[3], приказала:

— Давай.

Но Юй Лан молчал.

— Что? — принцесса, увидев, что слуга не двинулся с места, пришла в недовольство. — Не ты ли сказал, что он у тебя?

Встретившись с её взглядом, Юй Лан по-прежнему тёплым тоном ответил:

— Эта вещица, будет лучше, если она останется в руках Вашего подчинённого.

— Нагло, — яростно бросила Мяо Гуан и, приняв высокомерный вид, присущий принцессе Ли, холодно фыркнула: — Ты очень храбр, раз посмел так со мной разговаривать. Лучше, если она останется в твоих руках? Чьи это слова?

— Государя, — вскользь проронил Юй Лан, словно пустив стрелу в тело Её Высочества.

Не веря услышанному, девушка застыла на мгновение, но вскоре шёпотом спросила:

— Что ты сказал?

— Это слова государя. — Хоть пущенный в ход козырь немедля сбил большую часть высокомерия Мяо Гуан, однако Юй Лан вовсе не выглядел довольным собой, его манеры стали ещё ласковей и почтительней, и, тихонько вздохнув, словно не желая продолжать этот разговор, менее хмуро, но искренне всё же обронил: — Государь тайно приказал: камень Аньшэнь необходимо оставить в моих руках и никому не отдавать, особенно Вам, Ваше Высочество.

Видя, как Мяо Гуан меняется в лице, становясь то синей, то бледной, мужчина вновь вздохнул:

— Если Ваше Высочество не верит, можете отправить людей, требуя доказательств у государя.

— Как я могу не верить тебе? — закусив нижнюю губу, процедила сквозь белые зубки Мяо Гуан, однако очень скоро она вновь вернула улыбчивый вид и, словно отбросив все имеющиеся у неё дела, томно потянулась и встала со словами: — Старший брат-император прав, будет лучше, если камень останется у тебя. Во всяком случае, в этот раз князю Мину не скрыться, и всё благодаря тебе, — улыбнулась девушка слуге и, махнув рукой, приказала: — Ступай, я хочу немедля отправить письмо старшему брату-императору, расскажу об удачном выполнении плана.

Отпустив Юй Лана, принцесса разостлала особого сорта шёлк для письма и, поразмыслив короткое время, окунула кисть в тушь и стала писать. Одним махом девушка оставила несколько слов: «князь Мин попался», но рука неизвестно почему внезапно задрожала, пачкая чёрной тушью оставшийся кусочек белого шёлка.

Взгляд на минуту задержался на кляксе, сама девушка, отшвырнув кисть и не обращая внимания на незаконченное письмо, села, обняла колени и, сдерживая всхлипы, чтобы никто не услышал ни малейшего звука, тихо заплакала.

Государственная граница Боцзянь, центр города Ханьгуй, ничем не примечательная гостиница, находящаяся в глухом переулке.

Цзы Янь, лёжа на кровати, открыл глаза, настороженно повернул голову и посмотрел налево. Деревянная постель, находящаяся на той стороне комнаты, была в беспорядке, однако даже тени человека, который должен был спать там, не оказалось. Цзы Янь сел, запустил руку под подушку и, вытащив неподалеку лежащий кинжал, спрятал его за спину, поднялся с постели, обулся, проследовал к двери, и, оглядываясь, спустился по лестнице и ступил на убогий гостиничный внутренний дворик.

Глубокой ночью Ханьгуй погрузился в ласковую тьму, в этот промежуток времени свечи, горящие в простых домах, уже потухли, оставшиеся несколько огней, что горели вдалеке у городских стен, привлекали внимание подобно звёздам.

— Ваше Величество. — Цзы Янь, остановившись позади высокой фигуры, шёпотом проронил: — С рассветом нужно выдвигаться в путь, государю надо бы отдохнуть.

В сумерках силуэт Жун Тяня казался величественнее и внушительнее, чем днём, императорские черты были окутаны ночной тишиной. Цзы Янь, хоть человек грубый и высокий, не мог долго взирать снизу вверх на угловатый ясный профиль этого незаурядного красавца, Жун Тяня, которым любовно восхищался Фэн Мин. Телохранитель Его Величества понял душевные переживания мужчины:

— Государь, Вы беспокоитесь за князя Мина?

Не зная про тот длительный ночной разговор, состоявшийся между государем и господином министром, и то, что министр шепнул Его Величеству, когда они спускались, вынуждая упрямого государя согласиться отпустить князя Мина и позволяя Его Светлости отправиться в путешествие по семи странам, оставшийся покорный и преданный телохранитель, ни на шаг не покидавший государя, с лёгкостью почувствовал беспокойство, охватившее душу господина. Вероятно, чтобы скорее настичь и соединиться с князем Мином, государь торопился в Дунфань, каждый день, не щадя жизни, отправлялся в путь. А сейчас неужели неопишуемая тоска, охватив чувства, что были твёрже стали, смогла растревожить так, что даже отняла сон у зоркого государя Силэй?

Цзы Янь понимал, что, вероятно, никогда не познает чувства влюблённых людей, ведь только влюблённые способны отведать этот горький вкус, разве нет? Сам он был слишком хладнокровен и невозмутим, а подобные чувства совершенно не годятся для любви.

— У этого императора плохое предчувствие, — в глубоком раздумье ответил Жун Тянь, на красивом лице застыла строгость. — Кажется, где-то недосмотрел. Этот император что-то упустил из виду, но что и где?

— Государь говорит... о Дунфань? Или о князе Мине? Или о Юэчжун?

— В Дунфань есть министр, в Юэчжун — госпожа Вэй и Цянь Линь, там совершенно не о чем беспокоиться, а вот потрясающее небо и землю путешествие Фэн Мина, наоборот, огромная цель. — Немного сощурился сверкающие, словно остриё кинжала, глаза, Жун Тянь повторил

мысли вслух: — Жун Ху в службе проявляет осторожность и осмотрительность; люди наставника Сяо — мастера своего дела; если кто-то захочет навредить Фэн Мину, то только выдвинув против него армию, в противном случае не сможет добиться успеха; заколоть, неожиданно напав — не получится; похитить его, обведя вокруг пальца, Жун Ху не позволит, а вот что касается яда, этот император уже неоднократно приказывал: что бы ни захотели вручить Фэн Мину, нужно сначала тщательно проверить на яд.

Зрачки Цзы Яня в ночи сияли, а сам телохранитель приглушённо проговорил:

— Об этом государь много раз думал, князь Мин под надёжной защитой, и никто не причинит ему вреда. Государь, успокойтесь.

— На душе беспокойно.

— Государь?

— У этого императора на душе беспокойно, чувствую, что где-то допустил промах, — голос Жун Тяня звучал тихо, добавляя: — Цзы Янь.

— Здесь.

— Войска прибывают в Боцзянь, сложный путь уже пройден, потому этот император, возглавив отряды солдат, направится в Дунфань, чтобы встретиться с министром, а ты, Цзы Янь, отсюда сразу же поезжай обратно и отыщи Фэн Мина.

Телохранитель Его Величества слегка изумился, но, получив приказ, опустил голову со словами:

— Ваш подчинённый повинуетя, вот только, увидевшись с князем Мином, должен ли Ваш подчинённый передать какие-нибудь слова от государя?

— Скажи ему... — Жун Тянь остановился, холодные глаза постепенно наполнились теплом, а взгляд изменился, став непонятным и крайне отстранённым, словно душой Его Величество отправился к Фэн Мину. Молодой мужчина молчал, задумавшись и растягивая губы в нежной улыбке, приятный на слух голос, в котором скрывалась лёгкая таинственность, стал ещё ниже, словно тот единственный человек сейчас стоял перед ним и смотрел сверкающе-чистым взглядом больших глаз на императора Силэй. — ...чтобы он, во всяком случае, был очень осторожен, крайне страшная опасность может таиться повсюду и её легко не заметить, поэтому не нужно действовать опрометчиво.

— Слушаюсь, Ваш подчинённый обязательно передаст князю Мину.

— И скажи ему, чтобы очень сильно... ждал меня.

Караван лодок семьи Сяо, развернув знамёна и ударяя в барабаны[4], продолжал подниматься вверх по течению реки Оман, прямо к берегам Тун.

На борту прекрасного судна уже давно стало скучно, поболтать было не с кем, а кроме случайно встречающихся красивых прибрежных пейзажей, к которым иногда приставали джонки, чтобы Его Светлость развеял скуку, большую часть остального времени князь изнывал от безделья.

В подобные моменты играть, тренируясь, на яшмовой сяо для Фэн Мина оказалось самым радостным занятием.

Изначально на борту джонки находились музыканты, среди которых также был флейтист, поэтому князь, желая научиться, специально приказал пригласить этого человека к нему в качестве наставника, и уже спустя день мелодия стала получаться ещё приятнее.

Отдавая нефритовую флейту, Ду Фэн сказал ему, что это драгоценный подарок, потому Его Светлость никому не позволял прикасаться к ней, а если кто-то всё же это делал, то князь приказывал Цю Лань приготовить чистые влажные салфетки и сам тщательно протирал флейту.

На что Цю Лань много раз, смеясь, говорила:

— Во дворце множество драгоценностей, но никогда не замечала, чтобы князь Мин с чем-то так возился, а когда принц Ду подарил Его Светлости нефритовую флейту, как она тотчас же стала дорогой для князя Мина. Если об этом узнает государь, то может случиться так, что Его Величество испьёт уксус[5].

К их шуткам и подколкам Фэн Мин уже давно привык, слушая их глупое хихиканье, князь принял задумчивый вид:

— Ты хочешь сказать, что Жун Тянь испьёт уксус из-за Ду Фэна? Или всё же из-за нефритовой флейты?

Встретив на своём пути прохладный ночной ветер, что сменился лунным светом[6], Фэн Мин простой мелодией флейты развлекал как себя, так и остальных. Умение играть на флейте, конечно, ещё не достигло уровня прежнего хозяина нефритовой сяо, однако стройный и выдающийся князь, облачённый в мягкий длинный светлый халат, поверх которого висела сшитая вручную Цю Юэ накидка, стоя под луной и повернувшись навстречу ветру, словно одинокая сосна на горе Юйшань[7], уже достаточно позволил всем, в особенности Цю Юэ и двум другим служанкам, охать в восхищении.

— Князь Мин большой молодец.

— И впрямь князь Мин очень смыслённый, всё схватывает на лету, и, по-моему, в сравнении с принцем Ду Фэном игра князя Мина звучит сносно.

— Цю Син, ты перегибаешь палку, перехваливая Его Высочество?

— Ха-ха...

Постепенно даже всегда считавший подобное развлечение пустой тратой времени Ло Юнь тоже в какой-то момент тихо опёрся о палубное ограждение. Юноша как всегда молча смотрел на поверхность реки, словно не обращая внимания на ищущую веселья и беспрерывно смеющуюся толпу.

— Князю Мину нужно немного отдохнуть. Играть на флейте очень утомительно, я приготовила фасоловое печенье восьми вкусов[8], скорее идите пробовать, вкусно ли получилось.

— Да, кстати, Цю Лань, я думаю, окорок ягнёнка как тот, что ты варила вчера на ужин, всё же будет вкуснее.

— Цю Син, ты жадная до еды кошка.

— Нет! Скажу тебе, что жадная до еды кошка — это Ле-эр, вот только его здесь нет, поэтому теперь очередь Цю Юэ ею быть!

Но во всеобщем смехе раздался звонкий голосок, подобный новому серебряному колокольчику, звучащему волшебнее, чем музыка флейты Ду Фэна.

— Цю Син, ещё раз про меня будешь сплетничать, увидишь, как я схвачу тебя за ухо...

Привыкший прислушиваться ко всему вокруг Ло Юнь не смог сдержаться и, наострив уши, «вылавливал» этот смех из всеобщего веселья толпы.

Из-за того, что наследный принц Тун враждебно настроен к молодому господину рода Сяо, чем ближе они были к землям Тун, тем больше действовали люди господина Сяо — постоянно отправляли лазутчиков, дабы выяснить обстановку на границах страны.

Охрана на борту джонки стала очень строгой, Ло Юнь вместе с Жун Ху объединили силы, сплотив два отряда, к тому же единодушно и постоянно отказывали князю Мину в его нескольких приказах остановить джонку и сойти на берег, чтобы прогуляться. Причина была крайне проста — новость об их прибытии уже наверняка дошла до Тун, и, возможно, ненавидящие Фэн Мина генералы Тун подослали своих убийц, которые при любом удобном случае могут заколоть Его Светлость.

Даже удобного случая пристать к берегу, чтобы поразвлечься, и то лишили, вот теперь точно можно умирать от тоски. Играть на сяо с утра до вечера тоже нельзя, три очень понимающие, что у князя на душе, служанки неуклонно организовывали ради Фэн Мина интересные развлечения, которых уже вскоре не осталось, но в итоге полезное предложение было выдвинуто, кто бы мог подумать, Ло Юнем.

Управляющий делами и всегда справедливый Жун Ху немедленно выразил одобрение:

— Князь Мин должен обладать широкими познаниями в искусстве меча.

Цю Лань вслед за супругом кивнула:

— Тренироваться тоже очень полезно, безусловно, лучше обладать небольшим основным навыком, ведь, кто знает, как дела обстоят в Тун, а князь Мин изучит искусство меча и, если повстречается какая-либо опасность, сможет защититься.

На тот момент паникующему в душе князю было всё равно, и он тотчас же кивнул, вот только спустя полчаса Его Светлость обнаружил, что его согласие будет иметь последствия, к тому же крайне серьёзные.

Главнокомандующий людьми, что были на других джонках Сяо Цзуна, — Ло Нин — без какого-либо предупреждения явился встретиться с Фэн Мином. Этот человек, по-видимому, был таким же, как и его меч, и, поднявшись на палубу джонки Его Светлости, взглянул на взбодрившегося и занимающегося разминкой князя, после чего немедля выдвинул требования:

— Подчинённый смеет[9] просить молодого господина упражняться в искусстве меча вместе с Ло Юнем.

Это требование заставило как находящихся рядом людей Жун Тяня, так и самого князя вздрогнуть.

Упражняться вместе с Ло Юнем? По слухам, убийцы, служащие Сяо Цзуну, не особо снисходительны даже на тренировках. Потому лучше выбрать Жун Ху, чем Ло Юня — таковы были мысли каждого из свиты Его Светлости.

Угадав по молчанию ученика и его слуг, о чём каждый думает, Ло Нин, не поднимая брови, спросил:

— Молодой господин презирает искусство меча господина Сяо? Хоть искусство меча Ло Юня не сравнится с мастерством хозяина, однако он с юности упражнялся и фундамент атак всё же окреп, — в словах чувствовалась вата с колючками[10], а в сочетании с мрачнейшим лицом Ло Нина и вовсе являлась воплощением безжалостной клетки для вольного феникса[11] рода Сяо, сам же Фэн Мин, естественно, помнил про дурную привычку своего отца — тихо выхватить меч

и сразу же нанести удар.

Кто «смеет» отказаться, стоя перед главарём самой знаменитой банды головорезов семьи Сяо?

Цю Лань, также вздрогнув, не посмела что-либо возразить и, от волнения дёрнув супруга за рукав, прошептала с огромными от страха глазами:

— Скорей помоги.

Уже было сделав шаг вперёд, Жун Ху задумался и, всё же воздержавшись, перевёл взгляд на совершенно бездействующего Ло Юня.

Цю Лань снова торопливо одёрнула Жун Ху, к тому же с горькой обидой уставилась на него, однако сам Жун Ху уверенно занял свою позицию. Хотя телохранитель Силэй часто спорил с Ло Юнем, действуя от лица генерала Его Величества, но, опираясь на реакцию головорезов Сяо Цзуна, Жун Ху подсознательно чувствовал, что Ло Юнь испытывает не только отвращение и пренебрежение по отношению к князю Мину.

Этот юноша в будущем может стать настоящим помощником князю Мину и станет подчиняться его приказам. Жун Ху знал, что не даст Ло Юню возможности навредить Его Светлости во время тренировки, в конце концов, Ло Юнь ждёт с нетерпением. Мыслительный процесс на самом деле был крайне коротким, телохранителя не заботил жалкий вид как собственной супруги, так и миловидных близняшек, а потому, медленно продвигаясь, телохранитель понимал — мудр тот, кто учитывает ход событий, после чего специально кивнул князю.

— Ик... хорошо.

— Премного благодарен, молодой господин. — И, одним махом расправившись с делом, мужчина немедля отстранился.

Относясь к Его Светлости как ему заблагорассудится, мужчина с серьёзным лицом всё же отвесил поклон, а затем, повернув голову и посмотрев на Ло Юня, главарь головорезов семьи Сяо принял отцовский вид:

— Хорошенько потренируйся с молодым господином, — и, пребывая в весёлом расположении духа, вернулся на главный корабль.

В какой-то миг Жун Ху готов был поклясться, что увидел в глазах Ло Нина какое-то чувство, которое исчезло так быстро, как и появилось, да и времени оказалось недостаточно, чтобы разглядеть, что же всё-таки таилось там.

Спустя очень длительное время служанки, чьи лица до сих пор выражали жалость, наконец-то

осознали, что приставленного в пару князю юношу уже не поменять на Жун Ху, да и голову теперь нужно гордо держать, девушки слегка разомкнули губы и, растянув их в улыбке, немного приподняли князю настроение, ведь для любимого господина они готовы были пойти на всё.

— Да, очень прекрасно.

— Князь Мин, сначала уберите подальше нефритовую флейту, иначе нечаянно её сломаете, — прелестными ручками Цю Лань, вытащив из-за его пояса редкую вещицу, оставила у себя за пазухой.

— Князь Мин, сделайте глоток воды.

Три служанки с огромным вниманием и любовью заботились о Его Светлости, словно он немного погодя отправится драться со злым духом[12] Ло Юнем, который, стоя в стороне, всё больше напоминал равнодушное бревно.

Жун Ху, конечно же, не позволил им во время тренировки использовать настоящее оружие, более того, телохранитель Силэй лично вынес из хранилища два деревянных меча и, немного подумав, вручил один Ло Юню, а другой — Фэн Мину, который сейчас переоделся в более подходящую для тренировок одежду, прошептал:

— Меч Ло Юня очень остр, если князь Мин во время тренировки не напорется на него, тогда будет замечательно.

На что князь слегка кивнул. Три служанки напряжённо посмотрели в сторону, охранники хоть и не окружали их, однако большинство взглядов было направлено на молодого господина, словно они наблюдали, что будет дальше.

Над великой рекой Оман сияла ясная луна, Ло Юнь уже давно ожидал Его Светлость, и, увидев, как последний подходит к нему, юноша безэмоционально отвесил поклон, выпрямился, в глазах, где застыла сосредоточенность, внезапно всё изменилось, словно это был не Ло Юнь, а кто-то другой. Если его в обычный день воспринимали как очень холодного человека, то сейчас юноша был словно полностью пропитан морозом. Конечно же, таковым являлся беспощадный мастер искусства меча. Вот только глаза тех, кому с детства приходилось подвергаться строгой подготовке, были подобны льду.

Близняшки и даже Цю Лань в одно мгновение охнули, чувствуя, как сердца сильно забились в груди. Мгновение — и меч Ло Юня уже задвигался. Хоть князя заранее предупредили, однако он всё равно чуть не напоролся на остриё меча и только потом отреагировал. От прежних навыков, полученных когда-то от Жун Тяня, что-то осталось в той или иной мере, поэтому Его Светлость почти инстинктивно отступил на шаг, наклонился, опустил плечо, тем самым уклоняясь от острия, и, воспользовавшись случаем, поддался влево и сделал шаг вперёд. Рука, держащая меч, вытянулась вверх, нанеся удар прямо под ребро Ло Юню.

— Тук, — раздался от удара глухой отзвук меча.

Ло Юнь, закрыв поражённое место, обнажил в холодном взгляде небольшое удивление. Похоже, князь Мин не такой уж и никчёмный, как ему казалось.

Ответный удар Его Светлости увенчался успехом, и, конечно же, нужно было немедля ковать железо пока горячо. Изменившись в лице, Фэн Мин сделался серьёзным — бить в одно и то же место не получится, а значит нужно, держа меч сбоку, нанести удар по клинку Ло Юня. Этому выпадку Жун Тянь старательно обучил любимого феникса, вот только на практике князь боялся его применять, ведь если не рассчитать силы и угол атаки будет не соответствовать, он промахнётся, так и не затронув остриё противника, и вот тогда Его Светлость отведаёт очень горький вкус поражения. Однако в этот раз стоило испытать изученный навык.

— Тук, — вновь прогрохотало.

Фэн Мин обрадовался: после той жестокой схватки, произошедшей в Дунфань, он поднабрался практики и сейчас, сделав шаг вперёд, всё же смог дать верный отпор Ло Юню. Пока князь был охвачен радостью, запястье его руки, которая держала деревянный меч, внезапно скользнуло, и Его Светлость, больше не чувствуя остриё с противоположной стороны, в ту же минуту потерял равновесие, словно стена, на которую до этого он опирался всем телом, внезапно исчезла, и от смещения тяжести со всего размаху Фэн Мин повалился вперёд.

Плохо дело, ведь это же позор! Ещё душевный крик не прекратился, как сзади поднялся неожиданный порыв ветра, и, опустив, а затем наклонив меч по диагонали остриём вверх, Ло Юнь нанёс серьёзный удар под правую подмышку князя. Безумная пронизывающая боль донеслась до лба.

Правая рука, в которой князь сжимал меч, почти до паралича была охвачена болью, меч с глухим стуком упал на палубу, выпав из пальцев, а на выдающемся лице появилась гримаса страдания.

— А!

— Князь Мин! — внезапно поднялся крик со всех сторон. Жун Ху, словно выпущенная стрела, сорвался с места и встал препятствием между Ло Юнем и Фэн Мином.

Служанки наперебой[13] бросились к господину, окружая, и с жалостью помогли ему подняться.

— Больно?

— Куда ранили?

— Пустяки, — Фэн Мин, напротив, старался вдохнуть прохладный воздух, — не больно...

Конечно, ушибленное место не могло не болеть, ведь Ло Юня на самом деле с Жун Ху не сравнить, а встать с ним в пару тогда означало не сохранить лазейки для манёвра. Хоть мечи использовались деревянные, однако они были вполне острыми, меч безжалостно порвал совершенно новое платье для тренировок, сделав прореху под мышкой Его Светлости. А потому можно было себе представить, насколько сильная тупая боль охватила их господина.

— Дайте взгляну. — Цю Лан взяла полы платья и, аккуратно раскрыв, осмотрела повреждённое место.

Увидев, как под правой подмышкой белая хрупкая кожа сейчас покраснела почти до крови, три служанки невольно расплакались, помимо сожаления, девушек охватил гнев.

Цю Син с тяжестью на душе ручкой погладила ушибленное место, утешающе сказав:

— Болит? Может, лучше Ваша служанка возьмёт теплое махровое полотенце и приложит сюда?

Крайне разгневанная Цю Юэ, сразу же обернувшись, пристально уставилась на Ло Юня:

— Ты тренировал искусство меча или убить князя Мина хотел?

Ло Юнь даже не преследовал князя, дабы нанести ещё удар, наоборот, он опустил меч и стоял в стороне. А услышав порицания со стороны Цю Юэ, юноша лишь бросил на неё холодный взгляд сверкающих, словно капелька туши[14], глаз, так и не проронив ни слова.

Пристально смотрящие на него глаза Цю Юэ сделались ещё больше, а сама девушка уже было хотела наброситься на молчаливого Ло Юня, но Цю Син, крепко схватив сестру, хмуро спросила:

— Неужели хочешь поругаться с таким человеком, как он? Лучше сначала помоги князю Мину дойти до его комнаты, а потом у тебя будет время вернуться к этому разговору.

Фэн Мин, в свою очередь, горько улыбнулся:

— Я могу идти...

Да разве девушки брали его слова в расчёт?! Общими усилиями служанки, поддерживая Его Светлость, ввели в каюту, где помогли снять сапоги и уложить на постель. Цю Син, не чуя под собой земли, умчалась за горячей водой, чтобы приложить к ране, а Цю Лань вместе с Цю Юэ суетливо помогли Фэн Мину снять тренировочное платье.

Князь совершенно был не в состоянии им сопротивляться, потому только и мог, что позволить им вить из себя верёвки. Повернув лицо в сторону, Фэн Мин бросил платье у кровати, более того, вещь действительно была порвана, отчего стало крайне неловко перед Цю Юэ, и князь пробормотал:

— Новый наряд лишь чуть-чуть порвался. Цю Син, позже зашьёшь мне его?

Цю Син отозвалась коротко: «Слушаюсь!» Однако её сестра, взяв в руки разорванный наряд, вновь затряслась над ним и с тяжёлым сердцем зашептала, бранясь:

— Когда дурной нрав князя Мина изменится? Совершенно безразличен к своей ране, вместо этого интересуется одеждой! Чем этот наряд заслужил подобное внимание, завтра я ещё два таких же сошью для Вас, и всё.

Князь Мин понимал, что этим служанкам нельзя показывать какие-либо раны на теле, и, боясь, что они при малейшем писке могут все вместе разрыдаться, что будет безжалостнее, чем получить ещё один удар от Ло Юня, спешно выдавил улыбку, чтобы обмануть девушек:

— Могу ошибаться, но это ведь «третий месяц весны»[15], да? Редкая вышивка получилась такой замечательной. Знал бы о ней раньше, пошёл бы тренироваться без этого наряда. Хо-хо.

Глупо глядя, как говорит Его Светлость, Цю Юэ не знала, то ли разрыдаться в голос, то ли рассмеяться, однако уголком глаза заметила мелькнувшую тень. Ло Юнь, этот хладнокровный тип, неожиданно последовал за ними в комнату, отчего гнев девушки разыграл с новой силой:

— Ты зачем сюда явился? Ещё недоволен, что нанёс недостаточно серьёзный удар? — без размышлений махнула рукой и тотчас же, пряча лицо, бросила в Ло Юня тренировочный наряд князя, что до этого держала в руках.

Однако юноша, не моргнув и глазом, поднял руку и поймал брошенное в него «тайное оружие», и, храня молчание, посмотрел на Цю Юэ. Этот человек, когда не разговаривал, выглядел очень холодно, к тому же не так-то давно приставил меч к шее бедной девушки, потому увидев, как он смотрит на служанку, все нервно поднялись с мест.

Даже у Цю Юэ от его взгляда кожа на голове онемела, и, невольно испугавшись, девушка с беспокойством, что сейчас обуяло душу, уставилась на Ло Юня.

— Князь Мин! — к счастью, голос Жун Ху внезапно взорвал нависшую тревогу, а сам телохранитель Силэй, вбежав в комнату, выглядел очень воодушевлённым, словно с ним произошло какое-то радостное событие.

— Князь Мин, — разбилось короткое молчание, повисшее в комнате, а сам Жун Ху, быстрой поступью пройдя внутрь, радостно доложил: — Цзы Янь прибыл!

Эта неожиданная новость пошатнула злое настроение Ло Юня. Князь же, наоборот, первым делом подпрыгнул, вскакивая с постели:

— Цзы Янь? — в изумлении выкрикнул он, однако вслед за этим, поскольку князь совершенно забыл о недавно полученной ране, последовал резкий болезненный вскрик, когда же Цю Лань и близняшки спешно подбежали к Фэн Мину, последний вновь бодро вздохнул и побежал, перепрыгивая через порог каюты, чтобы своими глазами увидеть, действительно ли только что поднявшийся на борт джонки человек — это Цзы Янь. Вскоре, когда он удостоверился в этом, Фэн Мин бросился к нему и, положив руки вновь прибывшему на плечи, окинул его с ног до головы внимательным взглядом: — И впрямь Цзы Янь! — Сделав паузу, князь ликуя спросил: — Где Жун Тянь?

— Государь приказал Вашему подчинённому поприветствовать князя Мина.

Проехав днём и ночью весь сложный путь, Цзы Янь немного загорел и казался ещё более крепким и деловитым. Слегка улыбаясь, охранник Его Величества продолжил:

— Государь тревожится за князя Мина и захотел, чтобы сначала приехал Ваш подчинённый, а потом, уладив все дела в Дунфань, прибудет и государь.

Лицо до этого прыгающего от радости Фэн Мина внезапно застыло, а сам князь тотчас же свесил голову:

— Я догадывался, что Жун Тянь ещё не скоро приедет.

Прошло немало времени, пока Его Светлость не поднял голову, вот только на лице у него красовалась лёгкая улыбка. Похлопав Цзы Яня по плечу, Фэн Мин пригласил охранника вместе с ним, князем, пройти в каюту.

— Хорошо, что ты приехал, оставим в покое Жун Тяня и как следует отметим с тобой твой приезд, вот только господин министр приказал... — Что касается людей императора Силэй, то приезд Цзы Яня, несомненно, их обрадовал.

Для вечернего банкета Цю Лань, эта превосходная кухарка, вложив всю душу, лично приготовила закуски, которые, конечно же, красиво выглядели, хорошо пахли и наверняка были приятными на вкус. Перед приготовлением трапезы Цю Юэ подготовила места, вот только их оказалось всего шесть: для князя, для неё, для сестры, для супругов — Цю Лань вместе с Жун Ху — и для Цзы Яня. Не хватало лишь одного Ло Юня.

Но загвоздка была в том, что он сегодня ранил Фэн Мина, а потому даже всегда приветливая со всеми Цю Лань смотрела на него недовольно. Однако сам юноша, не обращая внимания на подобное вытеснение, по-прежнему вместе с мечом, что держал в объятиях, нашёл приглянувшийся угол и, прислонившись, наблюдал за празднеством.

Цзы Янь, наслушавшись рассказов Жун Ху о том, что в целом происходило после встречи с головорезами Сяо, уже догадался, в чём причина, и выбрал крайне уместный вариант — промолчать. А вот Фэн Мин, наоборот, почувствовал себя очень неловко и обратился к Цю Юэ:

— А почему не хватает одного места?

— Не хватает? Ваша служанка считала-а, разве не шесть? — Цю Юэ дерзко уставилась на гадкого мальчишку и, распахнув невинные глазки, прикинулась дурочкой. — Да вот, не вижу седьмого.

— Цю Син...

— Ваша служанка тоже не видит, а чьего именно?

«Вот уж действительно — два уголька, придерживающихся одинаковых помыслов[16]», — подумав, закатил глаза Фэн Мин. — «Вы, в сравнении со мной, ведёте себя слишком по-детски. Почему? Такие взрослые, а всё ещё дурачатся...»

— Ло Юнь, — понимая, что из-за характера служанок их лучше не трогать, князь обратился к своему телохранителю из рода Сяо, подзывая, — подойди, и мы все вместе хорошенько...

— Я не голоден.

— Ик... — «Проблема не в том, голоден или нет, если люди Сяо Цзуна увидят, что мы обижаем тебя, то, возможно, поднимут внутреннюю смуту...»

Ло Юня совершенно не волновало, о чём думает Фэн Мин, поэтому, внезапно понизив тон, вернул:

— Молодой господин.

— М?

— Та вещь, в которой Вы тренировались, она же ведь новая.

— Верно, там лишь небольшая дырка...

— Так её выбросите?

— Это будет несколько расточительно...

К тому же на ней вышивка, сделанная Цю Юэ.

— Выброшу и что? — холодный тон девушки, направленный в сторону Ло Юня, резанул слух, и, не сдержавшись, Цю Юэ швырнула на стол палочки для еды, после чего вызывающе подняла взгляд. — Не ты ли говорил, что деньги для семьи Сяо не проблема? Не велика потеря! Выброшу, не слушая твоего разрешения. А если тебе жалко, то можешь смело забирать и носить, так как наш князь Мин никогда не наденет наряд с заплатками.

Кожа на голове нескольких людей невольно враз онемела. Эта Цю Юэ и впрямь не знает, как пишется слово «мёртвая».

Ло Юнь мазнул по ней взглядом, а Цзы Янь вместе с Жун Ху, прочитав мысли друг друга, не сдержались и немного подвинули девушку, дабы в случае чего её защитить от Ло Юня, который лишь фыркнул, двинувшись с места, и, не оглядываясь, вышел прочь.

Толпа обменялась растерянными взглядами, и только через несколько минут аромат еды смог отвлечь их, пробудив аппетит.

— Эй, давайте-ка есть...

Без Ло Юня атмосфера и впрямь изменилась, став непринуждённой, и хоть Фэн Мин по-прежнему чувствовал себя неловко, но стоило ему попробовать новое блюдо Цю Лань — обычный картофель, жаренный вместе со сладким картофелем, — как он пришёл в восторг.

Во время банкета Цзы Янь стал основной темой беседы, которая, естественно, не обошлась без упоминания Жун Тяня. Все просили рассказать всё в подробностях, начиная с отъезда из Юэчжуна. Как только охранник Его Величества закончил свою историю внезапной тревогой императора Силэй за здоровье князя, как Жун Ху, наоборот, рассмеялся:

— Государь действительно крайне внимательный и осторожный, но даже если я буду бесполезен, то прославленные головорезы рода Сяо точно не пустой звук, а если в окружении призванных защищать молодого господина людей Сяо князь Мин получит ранение, где им тогда сохранить репутацию семьи Сяо?

Цю Лань, видя, как сегодня её супруг вынужденно согласился поставить Фэн Мина в пару с Ло Юнем во время тренировки, по-прежнему слегка сердилась и, сжав губы, проговорила:

— Сегодня его разве не ранили? Такое огромное покраснение под мышкой. А этот Ло Юнь и впрямь...

Но не успела девушка договорить, как тень, проникнув в дверь, прошмыгнула в комнату, кто бы мог подумать, что этим незваным гостем окажется Ло Юнь. Вот уж действительно говорят: «Заговори о духе, дух явится, а упомяни чёрта, придёт чёрт». И вдруг все закрыли рты.

Ло Юнь, словно ничего не понимая, подошёл к двери и бесцветно доложил:

— Вернулся ещё один лазутчик, молодому господину хочется с ним встретиться?

Немного подумав, князь покачал головой:

— Нет новых сведений? Если нет, то и не стоит встречаться. — Однако при мысли, что как только они причалят к землям Тун, войска той страны окружат его и убьют, Фэн Мин невольно поморщился. Он надеялся при встрече с наследником престола Цинь Ли уличить шанс и объяснить тому, что совершенно не является убийцей отца-императора Тун.

Вот только бы этот человек проявил благоразумие...

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «гравировать не переставая», обр. в знач.: обладать упорством и настойчивостью; неотступно, упорно, настойчиво.

[2] Юй Лан, человек Жо Яня, притворился Ду Фэном, который действительно является отпрыском императорского рода Бэйци.

[3] 掌心 (yù zhǎng) — юй чжан — в Китае так красиво называют ладони.

[4] Обр. в знач.: с большой шумихой.

[5] Означает ревновать.

[6] Обр. в знач.: красивый лунный пейзаж.

[7] Гора Юйшань (Яшмовая гора) находится на Тайване, высота 3952 м.

[8] На основе жидкого теста из белого и красного риса, в которое добавляют кашу из отваренной в сахаре фасоли и сухофруктов, затем перемешивают, формируя пирог, и отправляют в духовку или готовят на пару, после чего оформляют разными орехами, тыквенным семенами и ягодами годжи.

[9] В оригинале фраза звучит как «желчный пузырь величиною с целый ковш», обр. в знач.: великое мужество, безмерная храбрость, безграничная доблесть.

[10] 绵言冷语 (mián zhōngdàicì dehuà) — мянь чжундайцы дэхуа — является китайской идиомой, произошедшей от 话里带刺 (huà lǐ dài cì) — хуа лидай цы — которая означает «быть колючим на язык», образно в значении: в словах слышится насмешка или сарказм. Впервые данная идиома встречается в книге Фань Найчжуна «Небольшое искусство защиты духовного мастера».

[11] Как мы понимаем, Ло Нина причислили к Цзюнь Тин, которая всячески старалась «вывести князя на чистую воду», а в конце и вовсе уничтожить.

[12] 魔 (èmó) — эмо — также переводится как «демон; враг учения, мешающий совершению добрых дел» и «дьявол; дурной (опасный) человек».

[13] В оригинале фраза звучит как «рваться первым, боясь опоздать», обр. в знач.: наперебой, обгоняя один другого, наперегонки.

[14] В оригинале фраза звучит как «капля лака», обр. в знач.: черный, как уголёк, например, о глазах.

[15] 芍药 — sānyuè huā — мартовский цветок, также эти иероглифы могут означать «развратный, порочный», более того, этот цветок встречается в семнадцатой главе.

[16] Проявлять единство, единомышленники.

<http://bllate.org/book/13377/1190225>